

Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор

Восемь тезисов к вопросу о социальной структуре позднего капитализма и ее противоречиях

Начну с постановки ключевой проблемы: *как, исходя из марксистского анализа, ответить на некоторые принципиальные вопросы, касающиеся социальной структуры позднего капитализма и положения человека в этой системе?*

В методологическом плане необходимо обратить внимание на феномен не только меж-, но и внутриклассовых противоречий. Диалектика дает возможность показать динамику последних, в том числе, подрыв собственных основ этих противоречий. Этот тезис я хотел бы выделить особо: на мой взгляд, видоизменение классовых противоречий, самоотрицание таковых внутри капиталистической системы, — это процесс, подтверждающий, а не опровергающий правоту марксистской методологии. И напротив, сохранение старого тезиса о том, что капитализм есть исключительно противоречие пролетариата и буржуазии, противоречит и методологии, и теории марксизма применительно к современным условиям.

В связи с этим я предлагаю тезисы, представленные ниже.

I

Для характеристики классов очень важно использовать ту богатую картину общественно-экономической формации, которую мы можем найти в работах Маркса, Энгельса, Ленина и их последователей, а не просто ленинское определение классов. Формулы Маркса о том, что есть капитал и наемный труд, и формулы Ленина, которые несколько более богаты, принципиально важны, но в данном случае — недостаточны, что представляется мне принципиально важным. Для того чтобы определить класс, нужна совокупность образующих единую систему признаков, генетически взаимосвязанных между собой, поскольку одни являются следствием других, и тогда классовая структура оказывается сложной, но целостной.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук.

Ключевые слова: марксизм, политическая экономия, капитал, рабочий класс, творчество, «креативный класс», социальная структура, поздний капитализм, мировая экономика, социальное освоение.

Таким образом, классические характеристики нуждаются в значимых дополнениях и уточнениях.

На уровне *производительных сил* мы получаем определенную характеристику класса, которая в основном связана с его местом в системе общественного разделения труда, но к нему не сводится, поскольку важно еще и содержание этого труда. Ничего противоречащего марксистской теории основ социальной структуры здесь пока нет.

Далее, система *производственных отношений*. Она оказывает определяющее влияние на содержание и структуру классов. Здесь, однако, следует принять во внимание, что система производственных отношений любой общественной системы не может быть сведена лишь к отношениям собственности и способу распределения доходов; на деле действительная структура системы производственных отношений оказывается много богаче.

Отсюда следует, что для понимания классовой структуры в ее динамике важно принимать во внимание все основные блоки этой системы.

Первый ее блок — исторически определенный *тип хозяйствования (способ аллокации ресурсов)*. Первым таким типом в классовом обществе исторически являлись натуральное хозяйство и насилие как способ обмена деятельностью во всем многообразии его форм: феодальный грабеж, крестовые походы, иные «религиозные» войны и т. д. Наиболее известный тип — рынок в его различных модификациях. В последнее столетие он дополняет совокупность отношений сознательного общественного регулирования хозяйства. Определенный тип хозяйствования (и это существенно) влияет на классовую природу, интересы, самосознание и другие факторы в рамках этой совокупности. В частности, экономические и социальные ценности и мотивы, самосознание у человека, занятого натуральным хозяйством, и у человека, включенного преимущественно в рыночное хозяйствование, будут разными. Рынок — система производственных отношений, которая задает определенный тип экономического поведения и сознания, определенные политические интенции и даже идеологию. На этом, в частности, основана марксистская постановка вопроса о мелкой буржуазии как особом социальном слое или (в определенных условиях) классе.

Второй блок производственных отношений, который определяет характер социальной структуры, — это специфические для данной общественной системы *отношения собственности*. Здесь важна не столько форма собственности, сколько ее содержание. За той или иной формой собственности может скрываться совсем неодинаковое содержание. В современной России, например, за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение, когда частник работает под жестким контролем губернатора или мэра, или председателя поселкового совета, или участкового полицейского. Здесь наиболее важным является система отношений между собственником средств производства и работником (это абсолютно классический марксистский тезис).

Тем не менее это отношение оказывает опосредованное влияние на классовую структуру, и это опосредование может быть связано с достаточно сложной системой прав собственности. Иными словами, если отношения собственника и работника становятся многоаспектными (что типично для стадии заката общественно-экономической системы), то возникает сложная совокупность форм, позволяющих работнику получить определенные права собственности (участие в акциях, прибылях, управлении). Может быть и так, что включение в систему капиталистического найма, наоборот, опосредуется формами внеэкономического принуждения (как у многих российских гастарбайтеров). Все эти факторы влияют на классовую структуру и характер конкретных классов в рамках общественного организма, усложняют его социально-классовую структуру. Поэтому при анализе классов необходимо рассматривать всю совокупность реально существующих отношений собственности, выражающихся в тех или иных институтах, правах, формах собственности, а не сводить все к дилемме частной или государственной формы.

Третий блок детерминации социальной структуры — способ формирования и получения доходов, включая их перераспределение. Скажем, 50-процентный подоходный налог на богатых существенно реформирует классовые параметры в условиях социал-демократической модели современного капитализма. Этот налог не изменяет их основы, но трансформирует многие характеристики классов.

Четвертый блок — воспроизводство производственных отношений и детерминируемой ими социальной структуры. В связи с этим, в частности, отметим, что в условиях заката определенной экономической системы, скажем капитализма, обязательно развивается феномен самоотрицания тех отношений, которые воспроизводят социально-классовую структуру, что приводит к диффузии и размыванию границ классов и более мелких социальных групп, к усложнению всей структуры, и это — закон заката способа производства.

На уровне *надстройки* проявляется проблема *политического представительства* определенной социальной силы (класса). Существенно, имеет ли место такое представительство или нет, его конкретный характер, степень адекватности содержания интересов конкретного класса или его страты. Политическое бытие класса обретает завершенность при наличии *классовой идеологии* (от проблем [классовой] культуры автор в данном тексте абстрагируется, хотя и признает их значимость), что делает возможным превращение класса-в-себе в *класс-для-себя*. Для этого необходимо осознание себя социальной массой в качестве особого класса, ее самоопределение в деятельности и в идейном поле своей классовой природы, в сфере фундаментальных классовых интересов и т. п.

В конечном итоге в относительно целостную систему соединяется совокупность признаков, порождающих один другого. На этой основе можно построить такую *систему классовобразующих параметров, в которой они генетически взаимосвязаны отношениями прямой и обратной детерминации.*

II

В условиях качественных социально-экономических и политических *трансформаций* возможно рассогласование параметров, образующих классовую структуру. Нелинейность и неравномерность социальной эволюции, типичная для трансформационных состояний, обуславливает то, что одни социальные параметры развиваются в одном направлении, а другие — в другом. Классический тому пример — ситуация в современной России, где на уровне производственных отношений возникает, с одной стороны, натуральное хозяйство, рождающее патриархальные структуры, а с другой — капиталистическая эксплуатация, создающая почти классических буржуа и пролетариев, с третьей же — наблюдается деградация индустриальной базы, ведущая к депролетаризации; при этом адекватное политико-идеологическое представительство нарождающихся классов отсутствует. Классовая структура оказывается диффузно-неопределенной. И эти характеристики нормальны для периода трансформации, хотя они и создают большие сложности для анализа социально-классовой структуры. В той же мере возможно и позитивное рассогласование, когда одни параметры в своем развитии забегают вперед, а другие за ними не успевают. В частности, генезис СССР свидетельствовал, на мой взгляд, именно о таком рассогласовании.

III

Устарело ли к настоящему времени положение, что у *всякого общества есть определенная классовая структура*? На мой взгляд, если мы не вкладываем в этот тезис представление о том, что в современную эпоху существуют только два класса — пролетариат и буржуазия, а все, что сверх того, — от лукавого, то акцент на исследовании классовой структуры вовсе не является устаревшим. Если мы используем сложную систему классовообразующих признаков, причем рассматриваем их в динамике, то в этом случае тезис, что классы существуют — и как диалектическая абстракция, и как реальный экономико-социополитический феномен, на мой взгляд, не устарел.

При этом следует подчеркнуть, что необходимо разделять *сущностные* классовообразующие признаки, лежащие в основании этой структуры, с одной стороны, и *производные*, с другой. На мой взгляд, классический марксистский тезис о том, что отношение работника и собственника есть фундаментальный классовообразующий признак, и ныне остается в силе. Из него действительно вытекают в конечном итоге все остальные. Оно довольно сложно, диалектично, «завязано» на основах классовообразования, лежащих в производительных силах, и не менее сложно взаимодействует с производными признаками: способом формирования и величиной дохода и др.

Если наблюдается размывание сущностного классовообразующего признака, то изменяется и природа, состояние социальной структуры. Диф-

фузия классово́й структуры есть свидетельство видоизменения социально-экономической системы, заката ее, трансформации или рождения системы новой. Классические классовые признаки, в свою очередь, есть свидетельство классического состояния системы. И если последнее столетие было эпохой заката капитализма, то диффузия классово́й структуры есть совершенно логичное и правильное свидетельство последнего тезиса. Попытка же утверждать, что такой диффузии нет, означает, что нет и заката капитализма, то есть является отрицанием современного марксизма. Если же оказывается, что где-то на практике возникает жесткая классовая модель с индустриальным наемным работником и частным капиталистом в простейшей форме акционерного общества, это означает, что в данном социальном анклав капитализм покотился назад, от стадии заката к стадии «классики».

IV

Обратимся теперь к анализу базовых классовых структур капиталистического общества и, вполне закономерно, начнем с *класса наемных работников* как основных создателей богатства. Сразу же подчеркну, что этот класс является *внутренне* противоречивым, и эта особенность обусловлена системой производственных отношений капитализма. Внутренние противоречия этого класса отображены в «Капитале» и очень подробно развиты Лениным, хотя их целостная и законченная характеристика у классиков отсутствует. Посему напомним азбуку марксизма. Фундаментальные противоречия классического индустриального наемного работника состоят в том, что, с одной стороны, он является субъектом, заинтересованным в снятии присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов и обобществлении средств производства, но, с другой стороны, он же является частным собственником товара «рабочая сила», заинтересованным в максимизации дохода от продажи своего товара. И в этом своем качестве — то есть как частный собственник — он является «нормальным», адекватным рынку и капитализму субъектом, у которого нет никакого другого интереса, кроме как подороже продать и подешевле купить.

Кроме того, значимые противоречия в среде класса наемных рабочих обусловлены существенными различиями в содержании труда (здесь как минимум необходимо выделять ручной репродуктивный труд, индустриальный труд частичного работника и креативную деятельность). То, что статус рабочего класса может определяться выполняемой им ручной или машинной репродуктивной деятельностью, описано опять-таки в «Капитале». Но что такое эксплуатация креативной деятельности? Это самый интересный вопрос сегодняшнего дня.

В связи с коллективным по преимуществу характером труда представителей рабочего класса встает вопрос о его сплоченности и внутреннем коллективизме. Как собственники товара «рабочая сила» рабочие имеют абстрактно общий интерес — подороже продавать свою рабочую силу (его

объективация — профсоюзы). Почему абстрактно? Потому что, если возникает возможность продать свою рабочую силу подороже за счет других, этот интерес подорвет абстрактно общий интерес — всем *вместе* подороже продавать рабочую силу (отсюда — штрейкбрехерство). Этим определяется возможная противоположность интересов индивидуального работника и профсоюза.

Вторая сторона содержательного противоречия класса наемных работников — это воспроизводство рабочего класса как ассоциации, заинтересованной в освобождении труда. Отсюда следует и сформулированная еще Марксом присущая пролетариату интенция к снятию себя как класса.

V

В числе наиболее актуальных проблем классового анализа — вопрос о том, *насколько индустриальный рабочий класс является прошлым* (вспомним известную книгу А. Горца «Прощай, рабочий класс»). Этот тезис воспроизводится в сотнях публикаций на протяжении последнего полувека. В чем прав Горц и его коллеги? В том, что действительно происходит развитие нового типа работника, связанного с интеллектуальной, в определенной мере креативной, деятельностью, и оно является следствием генезиса постиндустриального технологического базиса. При этом Горц прав далеко не во всем — о чем тоже писалось уже много раз; но я хотел бы эту неправоту зафиксировать, поскольку она отражает новое противоречие современного рабочего класса.

Во-первых, Горц не прав в том, что работник сферы услуг не является индустриальным наемным рабочим, поскольку значительная часть современной сферы услуг — это достаточно низко обобществленный *индустриальный* труд. Те, кто работает в механизированной прачечной, химчистке, на автотранспорте, выполняют труд несомненно индустриальный по содержанию. И этот момент является принципиальным: не случайно выше я подчеркнул содержание труда как важный классообразующий признак. Кроме того, в сфере услуг возникает реверсивная тенденция развития в массовом масштабе ручного труда, который является *до-*, а не *постиндустриальным* и который вообще-то характерен для наемного рабочего эпохи мануфактуры или даже более раннего периода. Классическим примером такой «рассеянной мануфактуры» является организация торговых процессов во многих развивающихся и развитых странах.

Более того, происходит ренессанс классического индустриального рабочего в третьем мире, и *доля* индустриальных рабочих *мира* в общем числе занятых в XXI веке оказывается намного большей, чем в XIX или XX веках, — эта статистика общеизвестна. При этом, однако, важно и другое: определяющей тенденцией современности является все же развитие креативной деятельности, а не индустриального труда, даже если количественно доля последнего растет.

Другое дело, что, наряду с классической формой найма, в случае креативного работника возникает и иной феномен — форма контрактов между креативным работником как якобы независимым индивидуальным предпринимателем и лицом, предоставляющим капитал и другие необходимые ресурсы для его работы. Иными словами, вам предоставляется возможность трудиться, вы работаете у себя дома, заключив контракт о том, что должны выполнить такую-то работу в соответствии с такими-то расценками. Формально перед нами два равноправных агента рынка, а реально речь идет о новой форме организации труда креативного наемного работника, которую правильнее всего было бы квалифицировать как «рассеянную креативную мануфактуру», о чем немало написано критически мыслящими западными учеными, в частности Дж. Рифкиным и С. Жижekom.

Правомерна ли в связи с этим характеристика индустриального рабочего класса как класса из прошлого? Не разделяет ли он судьбу класса крестьянства в условиях индустриального капитализма? Напомню: крестьянство как эксплуатируемый класс могло быть и во многих случаях дей-

ствительно являлось союзником пролетариата как основного революционного класса, но ключевым субъектом в индустриальной системе — как теоретически, согласно марксизму, так и практически, — был наемный индустриальный рабочий класс. Соответственно, можно сформулировать гипотезу о том, что в

Класс наемных работников в условиях постиндустриальной глобальной экономики становится не столько объектом капиталистической эксплуатации, основанной на присвоении прибавочной стоимости, сколько объектом сложной системы форм отчуждения, порождаемых закатом «царства необходимости» в целом.

условиях перехода к постиндустриальному обществу, где доля интеллектуальных креативных работников примерно соответствует доле индустриальных работников в слабых и среднеразвитых капиталистических странах конца XIX — начала XX века, главным революционным классом можно считать креативных работников, а индустриально рабочий класс — классом из прошлого, который способен лишь поддержать новый авангард. Но существует и противоположный тезис о том, что наемный рабочий остается классом будущего, который определяет историческое развитие и переход к посткапиталистическому обществу.

В связи с этим я хотел бы подчеркнуть, что у класса наемных работников в условиях возникновения постиндустриальной глобальной экономики и обострения глобальных проблем возникают новые основания для новой борьбы. Этот класс становится (в гораздо большей степени, чем раньше) не столько объектом капиталистической эксплуатации, основанной на присвоении прибавочной стоимости, сколько объектом *сложной системы форм отчуждения*, порождаемых закатом «царства необходимости» в целом. На первый план все более выходит сонм новых проблем и противоречий, в числе которых — экологические катастрофы, нищета, миграция, угроза войн, идеологическое и политическое манипулирование, культурная деградация и т. д. Эти формы отчуждения вызывают протест и новые формы противодействия со стороны рабочего класса и формы эти не были описаны в классических марксистских работах и не вытекают прямо из того факта, что пролетарий является объектом, часть труда которого присваивается капиталистом.

Отсюда вытекает еще одно следствие: наемный работник может стать в определенной мере не только объектом, но и субъектом гегемонии капитала. И это не только наемные менеджеры высшего и среднего звена. Для сытого мещанина богатой страны (представителя все более деградирующего «среднего класса») в определенной мере выгодна существующая система методов гегемонии корпоративного капитала. Политическое манипулирование — выгодно, война против третьего мира — выгодно, решение экологических проблем за счет третьего мира — выгодно, сохранение нищеты в странах третьего мира — выгодно. Вот в той мере, в какой для работника сферы услуг или индустриальной сферы, транспорта или торговли выгодно быть частью этой гегемонии, в нем возникает очень сложное внутренне противоречие как пролетария и как мещанина.

VI

В условиях современного глобального капитализма в широких масштабах формируется и еще один потенциальный субъект контргегемонии — социальный слой, который до этого считался просто негативным компонентом в классовой борьбе. Это *прекариат* — слой отверженных. Этот слой в определенных случаях, под влиянием глобальных противоречий, превращается в странах третьего мира в *субъект экономической, социальной, политической самоорганизации*. Это новый контекст, на который я бы хотел обратить внимание. Это не классический объект капиталистической эксплуатации, это саморганизованный слой отверженных.

VII

Новый социальный слой, который едва ли не наиболее интересен для нашего исследования — так называемый *креативный класс*, объеди-

няющий лиц, занятых творческой деятельностью, или в труде которых творческая деятельность играет большую роль. В большинстве случаев в современной западной литературе к *креативному классу* относят менеджеров, различного рода посредников, финансистов, работников сферы массмедиа и т. д. В последнюю очередь туда включаются те, кто трудится в сферах образования и, отчасти, здравоохранения. На мой взгляд, на самом деле для современной экономики, основанной на знаниях, необходим массовый слой прежде всего таких «рядовых» креативных работников, как воспитатели детского сада, учителя всех уровней, преподаватели средней специальной и высшей школы, люди, занятые решением экологических проблем («рекреаторы природы»), социальные работники, которых, по идее, должно быть очень много, поскольку общество превращается в грязь, и его нужно рекреировать не меньше, чем природу.

В данном случае важно, что их деятельность определяется через параметр общедоступной, востребованной современной экономикой, творческой по содержанию деятельностью. Здесь принципиальны два критерия. Первый: характер деятельности, вопрос о том, преимущественно ли она творческая по содержанию или нет. Второй: создаются ли в процессе этой деятельности человеческие качества и культурные блага (будь то чистая река, здоровый человек, образованный и воспитанный член общества).

Отсюда новое решение проблемы «20/80». Сегодня ее как правило формулируют так: 20 процентов людей постиндустриальной экономике нужны, а 80 процентов — излишни, поскольку они не обладают определенным уровнем квалификации. Наша постановка проблемы противоположна: современному обществу нужен такой баланс, когда 80 процентов заняты массовой общедоступной творческой деятельностью, а 20 процентов заняты в материальном производстве. Никакой фантастики в этом нет. В современных условиях в тех же скандинавских странах в материальном производстве заняты именно эти 20 процентов, и они создают достаточные для воспроизводства своей страны материальные блага. Другое дело, что сегодня и в этих странах едва ли большая часть работников сферы услуг занята производством бессмысленных или просто вредных вещей (от финансовых пузырей до предметов роскоши и масс-культурных и иных симулякров).

VIII

В заключение несколько ремарок о проблемах отношения капитала и креаторов и *эксплуатации творческой деятельности*.

В названном отношении возникает новый феномен, который, на мой взгляд, идет дальше в отчуждении, чем в случае классической капиталистической эксплуатации, поскольку в его рамках возникает подчинение *личности* человека собственнику средств производства. Если главным средством производства является информация, а от человека требуются

не репродуктивные функции рабочей силы, а реализация его личностных качеств (иначе креативная деятельность осуществляться не может), то формой отношений собственника и работника становится подчинение капиталу личности работника при помощи покупки его креативных качеств.

Если вы заключаете с креативным работником договор на пять лет и говорите, что все, что он создаст, принадлежит корпорации, то что он продает корпорации? Если верить классике, что душа человека — это его творческий потенциал, то в этом случае работник продает капиталу уже не рукопись, но вдохновение — свою бессмертную душу, свои *личностные* качества. Рабочая сила — это отчуждаемая часть человеческой личности. Продавая ее капиталу, работник не отчуждает от себя, не теряет свои ценности, свои мотивы, свой креативный потенциал: он всего лишь выполняет по команде капитала некоторую толику механических функций. Собственно человеческой деятельностью, целеполаганием он не занимается. В случае же с креатором продаются именно личностные качества, целеполагание, ценности, культурные смыслы...

Отсюда вытекает целый ряд важных следствий. Первое из них — это возникновение нового объекта новой системы отчуждения, которая сохраняет основы капиталистической, но очень сильно изменена. Второе — проблема присвоения капиталом культуры (универсальных всеобщих благ), когда креатор создает всеобщее богатство (здесь уместна формула: «собственность каждого на все»), а присваивает его собственник капитала (проблема так называемой интеллектуальной собственности). Третье — противоречие, в рамках которого, с одной стороны, творческий труд создает по определению неотчуждаемое всеобщее общественное богатство, которое стоимостному измерению не подлежит и частной собственностью быть не может, а с другой — основным источником богатства для собственника средств производства становится не столько прибавочная стоимость, сколько интеллектуальная рента, то есть имеющий стоимостную форму доход от частной интеллектуальной собственности. Присвоение этой интеллектуальной ренты становится главным источником богатства и эксплуатации в современных условиях. Это одно из фундаментальных противоречий, определяющих нищету третьего мира.

Социальный слой творческих работников также обременен глубокими внутренними противоречиями. Ното creator, во-первых, является, с одной стороны, наемным работником, с другой — он выступает собственником не только товара «рабочая сила», но и превращенной формы капитала (так называемого человеческого капитала). Это новое внутреннее противоречие работника такого рода. Во-вторых, с одной стороны, последний, в отличие от включенного в конвейер или в бригаду наемного рабочего, является крайним индивидуалистом, с другой — он субъект даже не обобществленной, а всеобщей деятельности. Он создает часть всеобщего культурного богатства. С одной стороны, он частный собственник «человеческого капитала», с другой (по праву сотворения) — он собственник всеобщего богатства. Если наемный работник изобрел, например, лекарство от рака, то он создал

всеобщее богатство. Как его создатель он — его собственник, как наемный работник он — от него отчужден. Противоречие капитала приобретает новый вид.

Наконец, *homo creator*, с одной стороны, как мещанин, имеющий относительно высокий денежный доход и стремящийся к привилегированному положению, является одним из фундаментальных субъектов общества потребления, воспроизводящего его как мещанина и как субъекта потребления, как опору гегемонии капитала, на мельницу которой он тем самым льет воду, работает. С другой стороны, как создатель мира культуры он является субъектом разотчуждения и фундаментально заинтересован в снятии *всех* форм отчуждения и капиталистической эксплуатации. Посему он — своеобразный мещанин во дворянстве. Так же, как буржуа двести лет назад стремился купить дворянский патент, вместо того чтобы инвестировать деньги в прибыльное производство, точно так же сейчас интеллектуал, вместо того чтобы требовать развития всеобщего богатства и культуры, требует для себя ограниченных привилегий частного собственника «человеческого капитала».

Соответственно, можно выделить два типа представителей «креативного класса». Один включен в создание превратных благ (финансовые спекуляции, военно-промышленный комплекс, масс-культура, политико-идеологическое манипулирование и т. д.). Как таковой *homo creator*, повторим, является частью системы, обеспечивающей гегемонию капитала. Другой сектор создает наиболее ценные человеческие качества; к нему относятся учитель, садовник, инженер, креативный рабочий и т. д.

Так возникает проблема *интерклассового деления*. Контекст возникновения «царства свободы» и снятия отношений отчуждения заставляет по-новому взглянуть на противоречия, которые были характерны для экономической формации. Последние не исчезают, а дополняются другими. Вот эти другие и создают *противоречия субъекта ассоциированного социального творчества и конформиста*. При этом, *чем в большей степени человек, социальный слой близки к борьбе против сил отчуждения внутри формации, на сколько они противостоят капиталу, тем в большей степени они являются субъектом социального творчества, субъектом снятия всех социальных форм отчуждения*.

Иными словами, как правило, действует связь: чем больше вы боретесь против капитала, тем больше, при прочих равных условиях, вы будете бороться и против других форм отчуждения. Если у вас для этого есть материальные предпосылки в содержании труда, предпосылки в системе социальных отношений, которые воспроизводят вас как альтернативную силу, а не как раба гегемонии капитала или субъекта гегемонии (повторю: раб гегемонии — это деклассированный элемент и/или полностью омещаненный работник; а субъект-соучастник гегемонии — это интеллигент, воспроизводящий гегемонию капитала своим интеллектуальным творческим трудом).

Реальным проявлением этой новой социально-классовой «баррикады» служат новые общественные движения типа альтерглобалистских, но не только. Выступления в Египте, Греции, Франции показали, что рабочий

класс и интеллигенция делятся на две части: на социально-творческую, включенную в сети социальных движений, и на социально-пассивную, которая в свою очередь подразделяется на тех, кто побогаче, и тех, кто беднее, кто поддерживает либо правых, либо сложившуюся буржуазную систему.

В заключение подчеркну: *ядром социально-творческой части является массовая интеллигенция и высокообобществленный индустриальный пролетариат, который занят на крупном машинном производстве.* ◆